

Ольга 🏠 Фарбер

Ольга Фарбер

Теплая
Луна

Москва
2021

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ф24

Художественное оформление серии
Радия Фахрутдинова

В коллаже на обложке использованы фотографии:
© New Africa, ANTHONY PAZ, Photographee.eu / Shutterstock.com
и иллюстрация: © solmariart / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Фарбер, Ольга Михайловна.
Ф24 Пепельная луна / Ольга Фарбер. — Москва :
Эксмо, 2021. — 384 с.

ISBN 978-5-04-110767-3

В романе Ольги Фарбер описывается жизнь нескольких поколений — прабабушки, бабушки, мамы и дочери. У каждой есть то, что хотелось бы изменить, исправить, повторить или перечеркнуть, но все они живут со знанием того, что, какой бы ты ни была самостоятельной, ответственной, решительной и бескомпромиссной, есть самые близкие люди, которые готовы принять тебя такой, какая ты на самом деле. «Пепельная луна» — символ жизни этой семьи: когда кажется, что все сгорело и покрылось пеплом, не стоит отчаиваться, возможно, это просто начало нового жизненного цикла.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Фарбер О., текст, 2021
© Оформление.

ISBN 978-5-04-110767-3

ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава 1

MY DREAMS COME TRUE

Поезд «Париж — Москва» притормозил в Берлине, казалось, лишь для того, чтобы взять с собой одну Катю. Наверное, были и другие пассажиры, отделенные от нее плотной завесой тумана, сквозь которую не проходил обычный для столь оживленного места гул голосов.

Почти две недели назад в числе прибывших была и Катя — высокая стройная женщина лет пятидесяти; пышные золотистые волосы были уложены в простую элегантную прическу. Высоко поднятая голова, пронизательный взгляд ярко-голубых глаз, красиво очерченный рот. Светло-серый брючный костюм сидел на ней безупречно.

На перроне ее встречала русская девушка Лена, которая сразу узнала Катю, хотя раньше они не виделись.

— Добрый день, Екатерина Александровна, — Лена широко улыбнулась. — Как доехали? Очень устали с дороги?

— Добрый день! Лена, пожалуйста, зовите меня Катей. Когда меня зовут по имени-отчеству, я пугаюсь, что ко мне обращаются учителя из школы, которую, к счастью, моя дочь уже закончила.

— Хорошо, Катя, так даже проще. Пойдемте на парковку.

Лена легко подхватила чемодан Кати и сразу перешла к делу.

— Расскажите мне, пожалуйста, во всех подробностях, кто он такой, наш заказчик, и какую квартиру он хочет купить, в каком районе? — спрашивала она, уверенно управляя микроавтобусом.

Катя не сомневалась в компетенции Лены, ведь она была ведущим специалистом в дружественном агентстве недвижимости в Берлине. Несколько солидных клиентов «Фостера», которые воспользовались услугами немецкого агентства, где работала Лена, остались очень довольны.

Когда месяц назад в Москве роскошный, похожий на киношного викинга и такой экзотический даже для привыкшей ничему не удивляться и никому не верить Москвы голландец Дирк Ноттен попросил ее помочь приобрести квартиру в Берлине, вопроса в том, кто будет помогать в поисках, не возникло. Катя перед приездом связалась с Леной по телефону и дала короткое техническое задание.

Голландец занимал высокий пост в московском филиале инвестиционного банка. Теперь господина Ноттена переводили работать в Берлин. Именно Катя нашла ему квартиру в Москве на любимом Арбате, которую Дирк арендовал больше трех лет, и она ему очень нравилась. Поэтому он попросил Катю подобрать ему квартиру на новом месте. Когда Дирк говорил о будущей квартире, Катя заметила, что его обычно серо-ледяные глаза вдруг стали словно светиться изнутри, как полярное сияние. «Влюбился», — подумала она.

В Берлин Катя приехала сразу после майских праздников и за неделю узнала его центр так, что вполне могла бы водить экскурсии. С Леной они быстро нашли общий язык.

Несмотря на обилие, казалось бы, подходящих вариантов, поиски затянулись. Чаще всего Катя отсекала «совсем не то» и «не совсем то» еще на уровне фотографий, которые ей подбирала Лена. Придя на просмотр, они очень подробно расспрашивали владельцев и агентов о «подводных камнях» — скрытых недостатках, возможности начала стройки под окнами, соседях, службе безопасности, водоснабжении, кондиционировании. Лена быстро научилась понимать ее без слов и уже на подходе к дому видела сомнение на лице Кати, которая оценивала все, включая названия ресторанов и бутиков рядом с домом, и даже марки припаркованных поблизости машин.

— У меня складывается впечатление, что мы ищем идеальную квартиру для идеального человека, — пошутила она как-то после очередного Катиного отказа. — Уж не монаршая ли это особа?

— Нет, просто очень требовательный клиент с безупречным вкусом. Нам надо поторопиться, он придет не один и хочет сразу въехать в собственное жилье.

В первой половине дня Катя с Леной отсматривали по три-четыре квартиры. Потом обедали в уютных немецких ресторанчиках — каждый раз в разном. Как-то раз перед обедом они вместе мыли руки. Катя увидела собственное отражение рядом с Леной — двадцатипятилетней спортивной девушкой с идеальной кожей и плоским животом нерожавшей женщины. И почувствовала легкий укол зависти. «Вернусь, запишусь к косметологу», — подумала она про себя.

Наконец квартира была найдена — 250 квадратных метров в самом престижном районе Митте. Знаменитые Хакские дворы, сквозные и тупиковые, защищающие своих жителей от шума мегаполиса, продуманные лучшими архитекторами своего време-

ни с истинно немецкой скрупулезностью, неповторимые в своем очаровании и чудом уцелевшей провинциальности. Не самая броская, зато самая редкая и драгоценная жемчужина в блистательной короне мегаполиса.

Кате вспомнились улочки и переулки Арбата. Она сразу почувствовала себя как дома, их с Дирком вкус совпадал — в Москве он жил в тихом арбатском переулке. Квартира в Хакских дворах стоила тех немалых денег, которые хотел получить хозяин.

Отправив Дирку фотографии по электронной почте, Катя написала по-русски: «Добро пожаловать — домой!» Голландец свободно говорил не только на английском и французском, но и на русском.

Дирк тут же прислал ей восторженный ответ: «Это будет мой немецкий дом, найденный с русской душой. Я не сомневался в вас, Катя! Уверен, моей девушке он тоже понравится. Оформляйте сделку, я приеду попозже, не люблю тратить время и присутствовать при формальностях».

Чем он теперь занят, Катя догадывалась и понимала, что занятие это во стократ интереснее походов к нотариусу.

Покупка квартиры прошла с безукоризненной немецкой предсказуемостью, что по-русски принято называть «без сучка без задоринки». На родине Катя всегда была готова к «задоринкам», которые могут возникнуть и сорвать самую, казалось бы, идеальную сделку, но вместе с тем делают работу в недвижимости такой интересной и азартной. Когда сделка совершилась и они, внимательно прочитав и подписав все бумаги, вышли на улицу — в жаркий майский полдень, Лена как будто прочитала ее мысли.

— Когда я жила в России, в Петербурге, каждый день был борьбой, уравнением с несколькими не-

известными. Выходишь утром из дома и не знаешь, что тебя может ждать. Трамвай придет вовремя или опоздает, обхамит тебя кондуктор или улыбнется, окажется неприятным день в нужной инстанции или нет, возьмут у тебя документы для оформления сделки или отправят за еще одной справкой, а там тоже очередь или вообще закрыто... Тебе в любой момент могли что-то не дать, запретить, поставить препятствие. Но, когда ты все сделала, все преодолела, всех победила, можешь по праву наслаждаться чувством победы. Здесь я выхожу утром из дома и четко знаю, как пройдет мой день. Никаких неожиданностей не будет, от этого немного скучно.

— Именно поэтому на Западе люди иногда сами придумывают себе трудности, — задумчиво сказала Катя. — Человеку без трудностей никак. Тот, кому их не хватает, начинает изобретать.

— Да, эта фирменная русская ложка дегтя в бочке меда на самом деле интернациональна. Сами придумываем трудности и сами их преодолеваем... Ладно, что-то мы в философию ударились. Предлагаю немного испортить фигуру! Тут есть весьма демократичная кафешка Lуха, в ней делают потрясающие дюрюм денеры. По чашке кофе — и в парк Тиргартен. Мы сделали дело и теперь можем гулять смело! Там весной очень красиво. Кстати, это бывшие королевские угодья. Правда, там еще любимое место встреч наших местных элгэбэтэшников, но они все мирные и милые, никто никому не мешает, всем места хватает.

Лена увлекла Катю в уютную прохладу какой-то и впрямь забегаловки.

— Что такое дюрюм... как ты сказала? — со смехом спросила Катя. В весеннем Берлине с веселой, жизнерадостной Леной она чувствовала себя студент-

кой, сбежавшей с лекции ради того, чтобы посидеть с подружкой в кафе. Сама Катя с лекций никогда не сбежала, и оттого было еще веселее представлять, как бы оно могло быть. Будь у нее такая подруга, как Лена, — вполне.

* * *

Теперь Лена заботливо поддерживала Катю под локоть и потерянно причитала, продолжая начатые ранее, но уже бессмысленные на перроне уговоры:

— Все-таки на самолете лучше бы было. Всего два с половиной часа, и ты дома. А тут ехать больше суток! Неважно себя чувствуешь... Может, все-таки доктора надо было вызвать?

— Да уже есть билет, — вяло и так же автоматически отмахивалась от нее Катя. — Наоборот, лягу сейчас, выплюсь. Спасибо за заботу, Леночка. Я в порядке.

Лена с сомнением взглянула на нее, но возражать не стала. Смысла возражать перед самым отходом поезда уже не было.

— В голове не укладывается, — вздохнула Лена.

Катя кивнула, но промолчала: сил и желания поддерживать разговор о случившемся у нее не было. Она чувствовала себя такой разбитой, что мечтала только о полке с белым накрахмаленным бельем. Лечь и уснуть под стук колес... Кажется, она заснет, как только поезд тронется, а проснется только в Москве. Главное, успеть позвонить Соне, чтобы узнать, куда та пропала. Правда, несчастные Сонины звонки уже стали привычным делом: дочь повзрослела и уже не звонила маме, как прежде, несколько раз в день.

— Мне сообщили, что Дирк, до того как он, она, то есть он... — Катя запнулась, но взяла себя в руки

и продолжила по-деловому: — Господин Ноттен сразу после подписания договора поручил своему ассистенту перевести комиссионное вознаграждение на банковский счет в Москву. Как только деньги дойдут, это минимум три рабочих дня, я сразу перечислю на твой счет сумму, которую мы обговаривали.

Настал черед Лены молча кивнуть. Они сделали свою работу и ни в чем не могли себя упрекнуть.

— Все это очень странно, — она вновь попыталась обсудить это, но Катя сдвинула брови, давая понять, что больше не скажет ни слова по вопросу, ответа на который не было у обеих, как ни переливай из пустого в порожнее.

— *My dreams come true*, — задумчиво произнесла Катя. — *Come true...*

Лена встревоженно посмотрела на нее.

Проводник в синем кителе обратился к Кате по-русски:

— Прошу в вагон, мадам. Мы отправляемся.

Катя с Леной обнялись — душевнее, чем ожидали. Это и неудивительно, за неделю поисков квартиры для Дирка, оставив деловой этикет и невзирая на разницу в возрасте, они перешли на «ты» и стали понимать друг друга с полуслова. Катя даже жалела, что Лена живет в Берлине, окажись та в Москве — сразу бы получила предложение работать в агентстве «Фостер». Такие толковые девушки встречаются нечасто.

За долгие годы работы в сфере недвижимости Катя поняла, что прирожденные таланты встречаются не только среди писателей, художников, музыкантов, актеров. Бывают и агенты от бога — те, кого отличает особая интуиция и везение. Нюх и чуйка, говоря языком охотников. У Кати эта чуйка была и у Лены тоже. А самое главное — было умение рабо-

тать с клиентами независимо от их характера, поведения, заносчивости, пренебрежительного обращения. Профессионал делает свое дело, несмотря ни на что. Именно поэтому Лена, окажись она в Москве, вряд ли пошла бы работать в Катино агентство. Как и сама Катя, она не привыкла находиться на вторых ролях. Как и Катя, она посвятила себя бизнесу, а не разжиганию семейного очага. Их орбиты были похожи, но не могли слиться в одну.

— Обязательно позвони, как доберешься!

— Хорошо! Не стой только на перроне. С детства не люблю проводы и расставания перед поездом, когда все изнывают и мнутя: одни уже устали смотреть в окно, махать рукой и только считают минуты, проклиная поезд, который никак не тронется, вторые хотят исполнить долг провожающего до конца и тоже изнывают от скуки, тем более что через стекло уже не поговорить, остается посылать воздушные поцелуи и тоже проклинать поезд.

— То ли дело на самолете, — поддержала Лена. — Довел до зоны контроля — и адъё! Все, все, умолкаю... С богом!

* * *

В Катином СВ уж сидел сосед — импозантный седовласый мужчина того возраста, который начинается от пятидесяти и уходит на несколько десятков лет вперед, когда человек следит за своим здоровьем и внешностью. На нем были ослепительно белая рубашка, бордовый галстук в серую тонкую полоску и серый костюм.

— Bonjour, — поздоровался он с Катей, оторвав глаза от газеты.

Она сдержанно ответила на приветствие и устало опустилась на мягкий диван.

Сосед-мужчина не смутил Катю, хотя его присутствие удивило, ведь железнодорожные билеты в Европе принято продавать строго в женское или мужское купе. Словно в ответ на ее мысли француз развел руками, будто извиняясь, что вместо мадам Катя обнаружила в попутчиках месье.

В дверь тут же постучал проводник, Катя открыла сумочку, думая, что у нее снова проверят билет.

— Прошу вас извинить меня. В соседнем купе едут молодожены, они сели в Париже и попросили господина, — проводник взглядом показал на француза, — поменяться местом с девушкой, у которой был билет в ваше купе. Они едут до Москвы. Если вы против, то я сейчас подойду к ним и господин пересядет на свое место.

— Нет, что вы, пусть едут спокойно. Меня все устраивает.

— Спасибо за понимание. Хорошей дороги, — проводник бесшумно затворил дверь.

Француз снова углубился в чтение, и Катя решила исполнить свою мечту: поскорее лечь и закрыть глаза. Сон представлялся ей спасительным забвением. Хотя спастись ей, собственно, было не от чего. В ее собственной жизни ничего плохого не происходило, а в чужой... В чужих жизнях, если присмотреться, всегда происходит что-то плохое.

Соня!.. Чуть не забыла позвонить. Трубка отвечала длинными гудками, наконец раздался щелчок.

— Соня! — начала Катя.

— Абонент не отвечает, — равнодушно сообщил механический женский голос.

«Послушала бы я твой тон, если бы твой ребенок не подходил к телефону!» — раздраженно подумала Катя и, не сдержавшись, произнесла вслух:

— Да где же ты?

Француз заинтересованно взглянул на нее из-за газеты, но тут же снова деликатно погрузился в чтение.

Через несколько минут Катин телефон коротко пиликнул. Она схватила его — эсэмэс от Сони.

«Я в метро, связь пропадает, все норм».

«Возвращаюсь, уже в поезде, — быстро набрала Катя и добавила: — Люблю, будь осторожна». В последнее время Соня изменилась: стала колючей, как ерш. Вроде безобидная маленькая рыбка, а дотронешься — уколет унизанным шипами плавником. Кате хотелось прижать ее к себе, как маленькую, обнять, но ершик ускользал и, хоть и плавал рядом, в руки не шел, на нежности не поддавался.

Сообщение Сони успокоило Катю: так рано, а она уже в метро, значит, на занятия едет. Неудивительно, дочь всегда была отличницей, а учеба Сони — предметом гордости всей семьи.

Она скинула туфли и с наслаждением прилегла на диван, закрыла глаза, машинально одернула юбку. Ей было все равно, что подумает случайный попутчик. Она устала и имеет полное право немного вздремнуть. Но вот незадача: сон как будто не дождался своего часа и ушел, потоптавшись на пороге. Так бывает: когда очень хочется спать, мечтаешь о том, как заснешь, но вот переходишь, перезрешь, и сон как рукой сняло. «Переколобродишь», — смешно говорила ее бабушка Анна Ионовна, любившая иногда вставить в свою безупречную речь светской дамы какое-нибудь залихватское словечко из пензенской молодости.

Катя открыла глаза. Француз все держал перед собой газету, и снизу, из положения лежа — как определила она про себя, казалось, что он ее не просто читает, а как бы защищается газетой от Кати, отгора-

живается, как ширмой. Она видела только его руки — длинные пальцы, отполированные ровные ногти. Но эти красивые, ухоженные мужские руки не производили впечатления офисных неженков. Станным образом они казались способными взять, например, тесак или любой другой инструмент — что-то смастерить, наладить, настроить.

Катя перевела взгляд вниз, на дорогие узконосые ботинки с шнурками темного винного цвета. Она отметила про себя, что шнурки, очевидно, подобраны в пандан к галстуку.

Бордовый цвет, как и все оттенки красного, она не любила с детства. К счастью, ее уже больше не беспокоили панические атаки при виде пурпурных роз или капель красного вина на белой скатерти. За это она была благодарна известному психологу Михаилу Лабковскому, который объяснил ей причину происшедшего многие годы после детской травмы. Перелистнув эту страницу своей жизни, она не любила вспоминать прошлое, но иногда выхваченный взглядом бордовый цвет самых неожиданных или, наоборот, привычных вещей навевал воспоминание, которое всегда оканчивалось облегчением: как хорошо, что все прошло.

Еще только войдя в купе, она мельком отметила, что попутчик на кого-то похож, но не очевидно. Просто та же порода, тот же типаж: зачесанные назад чуть выующиеся волосы с сединой, прямой нос, волевой подбородок. От него исходил едва уловимый аромат даже не одеколona, а мужского тела, привыкшего к изысканным парфюмированным средствам с тонкой нотой.

В руках француз держал «Le Monde». На столике рядом с ним высилась целая стопка свежей прессы, из чего Катя сделала вывод, что, возможно, не уви-